

Любовь Лукашенко
(Москва)

НОВАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Особенности поэтики журналов
«Воробей» и «Новый Робинзон» 1923-1924 годов
под редакцией С. Я. Маршак¹*

В статье анализируется эклектичный художественный мир журналов «Воробей» и «Новый Робинзон» 1923-1924 гг., исследуются как концепция журналов для «детей новой эпохи», так и художественные средства, с помощью которых С. Маршак и его единомышленники «воспитывали нового читателя». В поэтических текстах ранних маршаковских изданий «новый» и «старый» каноны сталкиваются особенно ярко. Исследуемый временной промежуток – период рождения новой детской литературы.

Ключевые слова: «новый читатель», С. Я. Маршак, детская поэзия, новаторская установка, 1920-ые, диалогический, «игровой» тон обращения к читателю.

The purpose of this article – to analyze briefly the eclectic world of magazines «Vorobej» and «Novij Robinzon» in 1923-1924 years, to identify the concept of the magazines for «children of a new epoch», to comment the artistic means Marshak and his associates used «to bring up a new reader». In poetic texts of Marshak's early editions «new» and «old» canons face particularly bright. The analyzed time period – is the period of birth of new literature for children.

Key words: «a new reader», S. Marshak, children's poetry, an innovative purpose, the 1920s, a dialogical, «playing tone» of address to the reader.

Дореволюционная детская поэзия в значительной мере апеллировала к классической литературной традиции, отличалась нравоучительностью, часто была «умильной» – слиш-

¹ Эта работа не была бы проделана без участия А. Ю. Сергеевой-Клятис в моей академической и внеакадемической жизни; без советов и наставлений О. А. Лекманова и М. И. Свердлова. Им я выражаю сердечную благодарность.

ком трогательной, нежной, иногда даже «слащавой» в обращении с юным читателем.

В 1918 г., еще не реализовавшимися на литературном поприще писателями и поэтами остро ощущалась смерть старой петербургской культуры и ветхость господствующей поэтической традиции; новые литературные каноны – то, к чему теперь стремились. С. Я. Маршак, организатор журнала «Воробей» (в 1924–1925 «Новый Робинзон»), и его литературные единомышленники Б. С. Житков, В. В. Бианки, Е. Л. Шварц, М. Ильин (И. Я. Маршак) поставили перед собой задачу реформировать детскую литературу, ориентируясь на «воспитание» нового маленького читателя. Его образ С. Я. Маршак обозначил во вступительной заметке первого выпуска журнала «Воробей» 1923 г.: «Каждый вдумчивый педагог, каждый родитель знает по опыту, что перед ним совершенно новый ребенок, к которому нельзя подходить с теми методами и приемами воспитания, которые применялись к тому же возрасту детей в период довоенный. <...> Ему нужна другая литература – литература реалистическая, литература, черпающая свой источник из жизни, зовущая к жизни. Не творчеством “фантазии” должна быть современная литература для ребенка, она должна будить в нем творчество мысли, его активность, его самостоятельность...» [2, с. 4]. Итак, «дети новой эпохи» нуждаются в новых методах воспитания. Редакторы противопоставляют ранее навязываемую детской литературой немотивированную сказочность, «выдуманность», фантастичность активизации в читателе его собственной фантазии, эрудиции, творческой мысли, которые должна заключать в себе литература новой эпохи. Как же осуществлялась эта установка?

Как пишет в своей статье Б. Галанов, первые выпуски детских журналов под редакцией Маршака не обходились без обращения к дореволюционной литературе: «В альманахе еще печатала стихи и загадки старушка Соловьева-Аллегро, которая журила на его страницах кота-воришку за то, что этот кот предпочитал бродить по шкафам и полкам, вместо того чтобы ловить мышей, и тем “позорил себя и кошачий род”...» [3, с. 312]. А. Кобринский отмечает: «Однако в то время участие «взрослых» литераторов в детских изданиях было довольно распространено. К примеру, в «Воробье» и «Новом Робинзоне» публиковали свои произведения

О. Мандельштам, Б. Пастернак, Н. Тихонов, В. Шкловский, М. Слонимский и др.» [6, с. 63]. Таким образом, большинство поэтов, первоначально печатавшихся в журнале Маршака – так или иначе были связаны с «литературой бывшей». Но как избежать нравоучительности, если журится «воришка-кот»? Если связь со «старой литературой», как кажется, неразрывна?...

21 января 1924 г. умер Ленин. Очевидно, что идеологическая тематика «Воробья» значительно в этот год усилилась. Участились насковзь пронизанные идеологией и представляющие слабую художественную ценность очерки З. Лилиной («Ленин в октябрьские дни», «Володя Ульянов», «Дети революционеры» и т. д.), образовалась рубрика «Наш дневник», нередко рассказывающая юным читателям о «Великой Победе над рабством», празднике Октября, жизни колхозников, пионеров, рабочих. И так же нелепо по соседству с ними смотрелись стихотворения М. Бекетовой, П. Соловьевой, О. Мандельштама и т. д. Безусловно, «идеологический запрос времени» отразился и в стихотворениях:

Пишут красками в Китае
Ярких бабочек в цветах
И драконов, что летают
В золотистых облаках.
А саксонцам любви пташки
И тюльпанов пышный цвет,
В Ленинграде же на чашках
Пишут Ленина портрет.

В двенадцатом выпуске «Нового Робинзона» за 1924 г. А. Слонимский в посвященном П. Соловьевой некрологе пытается вписать творчество поэтессы в контекст советской эпохи: «...и в этих стихах Поликсена Сергеевна учит, что главное правило – приносить пользу людям... И во всех сочинениях Поликсены Сергеевны – ... всегда одна и та же мысль: жизнь станет счастливою, когда, вместо вражды, все люди соединятся в один братский союз и будут работать друг для друга» [7, с. 47]. Взрослому читателю, знакомому с настроениями «дореволюционных» поэтов, такой откровенный «идеологизированный» пассаж кажется довольно комичным.

С восьмого выпуска 1924 г. «Воробей» стал называться «Новым Робинзоном», как кажется, из идеологических

соображений: «...теперешняя жизнь – робинзонская» [7, с. 47] – объяснили редакторы. Как замечает Э. А. Суздорф, переименование «Воробья» в «Новый Робинзон», обусловлено обвинениями маршаковского альманаха в аполитичности со стороны советской критики [8, с. 26]. А. Кобринский пишет: «Самуил Яковлевич с жаром принял за работу, журнал начал выходить, а летом 1924 сменил название на более романтическое – «Новый Робинзон»» [6, с. 63]. Под «романтическим» Кобринский подразумевает более «отважное, революционное». Из мемуаров Е. Шварца, мы узнаем, что «каждая строчка очередного номера обсуждалась на редакционных заседаниях так, будто от нее зависело все будущее детской литературы»¹, и самим Маршаком ощущались запросы «читателя будущего» и его «новой идеологии». Может быть, всеобщая идеологизация печати помогла редакторам осуществить их планы?..

В 1925 г. в журнале «Печать и революция» была опубликована критическая статья Анны Гринберг «Книги бывшие и книги будущие (для маленьких детей)», содержащая преимущественно жесткую критику тогдашней детской печати. Детская литература к 1925 г. в большинстве своем представляется автору статьи «устаревшей», «бывшей». И неудивительно, что реформаторы Маршак и Чуковский были признаны критиком «старомодными». Будучи современницей «нового читателя», автор изнутри литературного процесса наблюдала за его развитием, но, что очевидно, придерживалась ультрасоветских взглядов, отразившихся в критике «книг бывших и будущих». Как мы видим из так называемого «предисловия» к «Воробью», Маршаком и его соратниками по перу так же остро ощущалась потребность творить для «нового читателя».

Гринберг также отмечает поистине обескураживающую «разноголосицу» тогдашней детской литературы: «Но кто

¹ «К этому времени Самуил Яковлевич со всей страстью ринулся делать журнал “Воробей”. (Впрочем, кажется, журнал уже назывался «Новый Робинзон» в те дни?) Каждая строчка очередного номера обсуждалась на редакционных заседаниях так, будто от нее зависело все будущее детской литературы. И мы это неоднократно высмеивали впоследствии, не желая видеть, что только так и можно было работать, поднимая дело, завоевывая уважение к детской литературе, собирая и выверяя людей» [9, с. 88].

же этот детский читатель, который читает о Ленине и интересуется зайцами, которому следует сообщить о свержении самодержавия Аникой-воином, и о том, что слониха села на ежа, которому нужна книга о Пузисе и полезна книга о Газете...?» [5, с. 243–254]. «Воробей» и «Новый Робинзон» первой половины 20-ых гг. – такая же эклектика формы, поэтика, окончательно не избавившаяся от традиции прошлого, но уже подхватившая «зов эпохи», имеющая четкую ориентировку на «нового читателя». Логично также предположить, что «пестрота» (частое обращение к «старому» вперемешку с «новым») была обусловлена недостаточным количеством «новых текстов».

Истинные стремления поэта обозначил в статье «Маршак и время» М. Л. Гаспаров. Исследователь отмечает маршаковскую «безыдеологичность»: «“Простой” – это значит непременный и постоянный, то есть – вечный. Примет времени в этих стихах нет, хоть критика 1920-х гг. и требовала их очень решительно. Маршак был тверд: труд есть труд, и советский почтальон трудится так же, как бразильский почтальон, только поэтому и возможно между людьми взаимопонимание и единение. Даже когда стихотворение называется “Вчера и сегодня”, в нем говорится, что вчера были керосиновая лампа и коромысло с ведром, а сегодня – электричество и водопровод, а не о том, что вчера они служили буржуазии, а сегодня пролетариату. Критика негодовала, но Маршак стоял на своем и не мог иначе» [4, с. 312]. Очевидно, что любое печатное слово 1920-х гг. не обходилось без политической тематики. Авторы «Воробья» и «Нового Робинзона» принимали идеологический аспект как часть «нового государства» для «нового читателя», однако не на пропагандистских началах, не на воспевании победы пролетариата и духа коллективизма основывалась их новаторская установка. Но как же всё-таки она проявлялась?

В отделе поэзии «Воробья» и «Нового Робинзона» мы находим наиболее острое столкновение «старого» и «нового». Наряду с вышеупомянутыми стихотворениями Соловьевой и Бекетовой в журнале печаталась тогда только начинающая поэтесса Елизавета Полонская, дебютировавший, но быстро утвердившийся в литературе поэт Н. Тихонов, и, конечно же, сам Маршак. «Противоборство» традиции и новаторства отмечала М. А. Алексеева: «...некоторые считают, что советская

детская журналистика, будучи явлением принципиально новым, никак не связана с дореволюционными изданиями для детей. Однако тип советского журнала для детей складывался постепенно, и журналы, издававшиеся в первые послереволюционные годы, имеют много общего со своими предшественниками и по форме, и по содержанию» [1, с. 72].

Художественная уникальность «Воробья» и «Нового Робинзона» остро ощутима, если сравнивать альманахи с другими детскими изданиями начала прошлого века. Сопоставим номера «Нового Робинзона» с номерами других детских журналов первой половины 1920-ых гг.: откроем пятый выпуск издававшегося в Москве журнала «Искорка» за 1924 г. На первых страницах возникают три надписи одинакового содержания: «журнал для маленьких детей». Ничего подобного в ленинградских «Воробье» и «Новом Робинзоне» не было. Тон обращения к читателю «Воробья» и «Нового Робинзона» – диалогический, а не монологический, т. е. серьезный, ребенок воспринимается как равный очевидно взрослому составителю и не получает морализаторских наставлений.

Как отмечает М. Алексеева, вокруг журнала был создан актив деткоров¹, и редакция постоянно обращалась к читателям с просьбой писать в свой журнал [1, с. 72]. Маленький читатель воспринимался как равный, взрослый – им интересовались и с ним советовались, его вовлекали в создание журнала. Буквальный диалог между ребенком-читателем и взрослым-редактором – очередное новаторство «Воробья» и «Нового Робинзона».

В оформлении поздних выпусков «Воробья» и «Нового Робинзона» использовалось много фотографий, а рисунки преимущественно детальные и реалистичны. Как известно, фотография двадцатых годов была далека по своей четкости от современной, однако редакция журнала выделяла отдельные рубрики, посвященные этому искусству. «Воробей» и «Новый Робинзон» стремились быть передовыми, «созвучным времени» журналами. Также, отражение «реальности», данное через фотографию, противопоставлялось царившему ранее в детской литературе «рисуночному», фантазийному восприятию действительности.

¹ Деткор – корреспондент школьного возраста, посылающий материалы в какой-либо детский печатный орган.

Хотя подача «полезного» для ребенка велась в игровой манере, эта игра не сводилась к «до смешного упрощенному», а скорее к «нескучному», «любопытному». Материалы в журналах четко структурированы и разнообразны. Стихотворения чередуются с рассказами и очерками, неизменный атрибут последних страниц – загадки, шарады и ребусы, списки «познавательной литературы», «переписка с читателем» с вопросами, что нравится и что не нравится в журнале. Журналы Маршака (в особенности «Новый Робинзон») были четко ориентированы на познавательность. Как отмечает М. Алексеева, для работы в журналах привлекались ученые [1, с. 72]. Диалогический, «игровой» тон обращения к читателю в стихотворениях поддерживался. Вряд ли бы «дореволюционный ребенок» осмелился бы заявить: «Мама, брось-ка эти книги!», как делает герой стихотворения Е. Полонской «Про книги». Сын едва ли не «меняется ролями» с мамой, уговаривая ее бросить чтение «толстых книг» и пойти с ним гулять и ловить рыбу. В унисон с общей художественной концепцией журналов, «новые» стихи совершенно лишены нравоучений. Плохое не осуждается, не наказывается, а высмеивается:

У неряхи Мишки
Жили-были книжки,
Грязные, лохматые,
Рваные, горбатые. < . . .>
Дрался Мишка с Гришкой,
Замахнулся книжкой,
Дал разок по голове –
Вместо книжки стало две!

В литературу проникает «детская» и «уличная» речь – часто в стихотворениях, очерках или рассказах повествование ведется от лица ребенка, этого самого «нового читателя». «Новые» стихотворения соединяли в себе комичность, «сказовость» – простоту языка и отклик эпохе «железного гостя»:

Но не птица и не рыба,
Вся сверкающая глыба
Повернулась и сказала
Очень мало:
– Дура!
– Не валяйся ты в пыли –

Я живая дочь земли.
Я играю на воде,
В облаках, в дороге длинной
И зовуся у людей
Я – летательной машиной.

«Старому читателю» вряд ли был бы до конца понятен смысл строк:

Капитан у родного мола
Не спеша приступает к разгрузке

Ещё сложнее представить в «старом» журнале:

Капитан стал белее мела
И ругаться начал по-русски.

Познавательность, комичность, ирония, местами граничащая с сарказмом, намеренная упрощенность слога и лишение его метафоричности – характеризуют «новую» поэзию и маркируют ее на фоне «старой».

Итак, на фоне отгремевшей революции, на осколках поэзии Серебряного века, но в тоже время с четкой новаторской установкой были составлены первые выпуски альманахов «новой детской литературы» под руководством Маршака. Можно выделить разные составляющие общей концепции журналов: «старое» – отголоски дореволюционной традиции, «идеологическое», без чего не было мыслимо печатное слово 20-х гг. XX в., но в центре безусловно, стоит «художественно-новаторское» – адресация к «новому читателю».

Стоит добавить, что в 1923–1924 гг. журналы не были так жестко контролируемы цензурой, как спустя десять лет. Исследуя заданный временной промежуток, мы можем наблюдать подлинный процесс творчества, создание новой детской литературы, почти не тронутые идеологической машиной.

Список литературы и источников

1. Алексеева М. Советские детские журналы 20-х годов. М., 1982.
2. Воробей. 1923. № 1.
3. Галанов Б. Литература – детям! // Б. Галанов. С. Я. Маршак. Жизнь и творчество. М., 1965.

4. *Гаспаров М.* Маршак и время // Гаспаров М. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. СПб., 2001.
5. *Гринберг А.* Книги бывшие и книги будущие (Для маленьких детей) // Печать и революция. 1925. № 5/6. С. 243–254.
6. *Кобринский А.* Даниил Хармс. М., 2008. (Сер. «Жизнь замечательных людей»).
7. Новый Робинзон. 1924. № 12.
8. *Суздорф Э.* Журналы «Ёж» и «Чиж» в контексте советской детской печати 1920–1930-х гг.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
9. *Шварц Е.* «Живу беспокойно...» (Из дневников) / Сост., подгот. текста, прим. К. Н. Кириленко. Л., 1990.